

ПОВЕЛИТЕЛЬ СМЕРТИ КОРОЛЕВА ЖИЗНИ

Гомер Эон Флинт

Ранняя Научная Фантастика

Золотой фонд фантастики

Гомер Эон Флинт

**Повелитель смерти.
Королева жизни**

«Автор»

2023

Гомер Эон Флинт

Повелитель смерти. Королева жизни / Гомер Эон Флинт —
«Автор», 2023 — (Золотой фонд фантастики)

В книге объединены две повести выдающегося писателя-фантаста Гомера Эона Флинта, вошедшие в научно-фантастическую серию "Доктор Кинни". По сути, автор исследует многие социальные вопросы и прогнозирует возможное развитие человечества на примере погибшей из-за амбиций одного-единственного правителя цивилизации на Меркурии и пытающейся достичь абсолютного духовного развития цивилизации на Венере. Обе повести были написаны в 1919 году, но актуальны до сих пор! В отличие от многих фантастов того времени, Флинт серьезно задумывался над проблемами социальной психологии и многие свои произведения строил на основе вполне осмысленных социально-философских концепций. Флинт в своих книгах пытается дать научное объяснение почти всему происходящему в его книгах. Не зря Гомера Эона Флинта считают писателем, совершившим переход от околонуучной фантастики XIX - начала XX веков к той настоящей классической научной фантастики, которой мы наслаждаемся до сих пор.

© Гомер Эон Флинт, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Повелитель смерти	5
Часть I. Открытие	5
Глава I. Космический Куб	5
Глава II. Мертвый город	8
Глава III. Дом пыли	12
Глава IV. Библиотека	15
Глава V. Закрытая дверь	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Гомер Эон Флинт

Повелитель смерти. Королева жизни

Повелитель смерти

Часть I. Открытие

Глава I. Космический Куб

Ученый, который был самым музыкальным из всех четырех человек, запел веселым баритоном:

"Сова и кошечка отправились в море
В красивой, зеленой лодочке".

Геолог, в университетские годы исполнявший нижнюю партию в квартете, беззаботно чистил картошку, напевая ее под нос. Изредка высокую ноту-другую издавал инженер – ему было не до отдыха, пока он лазил по механизмам с масленкой в руках. Архитектор, оставшись один, не обращал внимания на популярную мелодию.

– Чего я не могу понять, Смит, – настаивал он, – так это как вы втягиваете электричество из космоса в эту машину, не разнеся нас всех в щепки.

Инженер прищурился и посмотрел сквозь опаловую стеклянную заслонку в один из туннелей, по которому протекал антигравитационный ток.

– Если бы вы разбирались в зданиях не больше, чем в машинах, Джексон, – проворчал он, присаживаясь на корточки, – я бы не хотел жить в одном из ваших домов!

Архитектор мрачно улыбнулся.

– Вы как раз живете в одном из них, Смит, – сказал он, – если вы называете эту машину домом.

Смит выпрямился. Он был невзрачным человеком, среднего роста и телосложения, с мягким, добродушным выражением лица. Никто, взглянув на него дважды, не догадался бы, что за его черепом скрываются необычайно полные знания об электричестве, механизмах и подобных прикладных вещах.

– Я говорил вам вчера, Джексон, – сказал он, – что воздух, окружающий Землю, полон электричества. И...

– И что чем выше мы поднимаемся, тем больше энергии, – добавил другой, вспомнив. – Можно сказать, что именно атмосфера защищает Землю от внешнего напряжения.

Инженер кивнул.

– Время от времени оно прорывается, во всяком случае, в виде молнии. Так вот, чтобы контролировать этот ток и не дать ему превратить эту машину и нас в пепел, мы пропускаем энергию через цилиндр воздуха высокой степени сжатия, закрепленный в этой стене. Изменяя давление и влажность внутри цилиндра, мы можем регулировать поток.

Архитектор поспешно кивнул.

– Хорошо. Но почему электричество не воздействует на сами стены? Я думал, что они сделаны из стали.

Инженер посмотрел сквозь тусклый свет на красноватый диск Земли, туманный и нечеткий на расстоянии сорока миллионов миль.

– Это не сталь, это немагнитный сплав. Кроме того, между сплавом и вакуумным пространством находится слой кристаллической серы.

– Вакуум – это то, что защищает от холода, не так ли?

Джексон знал об этом, но спросил, чтобы узнать подробности.

– Он также защищает от солнечного тепла. Внешняя оболочка довольно сильно нагревается с этой стороны, так же как и охлаждается с теневой стороны.

Смит уселся рядом с огромной электрической машиной – вращающимся преобразователем, на который он указал движением большого пальца.

– Но вы не должны забывать, что электричество снаружи бесполезно для нас в том виде, в котором оно есть. Мы должны его изменять.

– Оно не положительное и не отрицательное, оно просто нейтральное. Поэтому мы разделяем его на две части, и все, что нам нужно сделать, когда мы хотим уйти от Земли или любой другой магнито-сферы, – это направить пучок положительного тока на соответствующий полюс планеты или отрицательного – на другой полюс. Подобно тому, как полюса отталкиваются, как известно.

– Звучит не так уж сложно, – прокомментировал Джексон. – Даже слишком просто.

– Ну, это не совсем так просто. Нужно много аппаратуры, – и инженер оглядел комнату, с нежностью устремив взгляд на свою любимую технику.

Большая комната площадью пятьдесят футов была практически полностью заполнена машинами, некоторые из которых доходили до потолка и на такое же расстояние еще выше. Вообще, в пространстве Куба, как называли эту конструкцию небесного корабля, было очень мало свободного места. Жилые помещения для четырех человек, занимавших его, приходилось обустроить там, где было свободное место. Кровать архитектора, например, была втиснута между двумя огромными динамо-машинами.

Он напряженно соображал.

– Теперь я понимаю, почему у вас так много регулировок для этих тоннелей, – имея в виду шесть квадратных труб, которые уходили в открытый космос через все шесть стен комнаты. – Нужно очень точно направлять поток энергии.

– Я бы так и сказал.

Смит подвел его к иллюминатору, и оба заслонили глаза от света, глядя на золотистое сияние Меркурия, к которому они направлялись.

– Я должен отрегулировать поток так, чтобы он был направлен точно на его северную часть.

Смит мог бы добавить, что непрерывный отталкивающий поток все еще направлен к Земле, а другой – к Солнцу, справа от них, чтобы не сбиться с курса.

– И с какой скоростью мы летим?

– В четыре-пять раз быстрее Земли – от восьмидесяти до девяноста миль в секунду. Естественно, здесь, где нет сопротивления воздуха, нам проще набрать скорость.

В разговор вмешался еще один голос. Геолог доел картошку, и от сковороды уже исходил ароматный запах. Годы, проведенные в дикой природе, сделали геолога хорошим поваром, а в составе экспедиции он был вдвойне желанным участником.

– Значит, завтра мы должны быть там, – с нетерпением сказал он.

Жизнь в закрытом помещении не привлекала его даже при таких захватывающих обстоятельствах. Он посмотрел на Меркурий в бинокль.

– Уже начинает прорисовываться.

Инженер усовершенствовал опыт Ван Эммона, установив самый большой телескоп в машине – четырехдюймовую трубу необычайного качества. Все трое отметили, что планета, которая, по их мнению, была на три четверти "полной", имеет почти такой же вид, как Луна.

– Интересно, почему с Меркурием всегда было связано столько тайн? – задумчиво размышлял архитектор. – Похоже, что большой пятифутовый телескоп на горе Вильсон должен был показать все.

– Спросите дока, – дипломатично предложил Смит.

Джексон повернулся и позвал маленького человечка с другой стороны машины. Тот рассеянно посмотрел на научный прибор, с помощью которого он проверял химическую очистку воздуха в комнате, затем подошел к кислородным баллонам и немного перекрыл поток, ссылаясь на свои цифры в строгой точности, присущей его ремеслу. Он подошел к собравшимся.

– Меркурий находится так близко к Солнцу, – ответил он на вопрос архитектора, – что его всегда было трудно наблюдать. Астрономы долгое время не могли прийти к единому мнению, о том, что он всегда обращен к Солнцу одной и той же стороной, как Луна к Земле.

– Значит, его день такой же продолжительностью, как и год?

– Да, восемьдесят восемь наших дней.

– Непрерывный солнечный свет! Значит, он не может быть обитаем?

Архитектор очень мало знал о планетах. Его включили в состав группы потому, что, наряду с профессиональными знаниями, он обладал выдающимися способностями любителя древностей. Он знал о деяниях древних столько же, сколько среднестатистический человек знает о бейсболе.

Доктор Кинни покачал головой.

– В настоящее время, конечно, нет.

Джексон мгновенно оживился.

– Тогда, возможно, когда-то там были люди!

– Почему бы и нет? – легкомысленно заметил доктор. – Конечно, сейчас там мало или вообще нет атмосферы, но это не значит, что ее никогда не было. Даже если это совсем маленькая планета – менее трех тысяч миль, она меньше Луны, – когда-то на ней было много воздуха и воды, как и на Земле.

– А что стало с воздухом? – поинтересовался Ван Эммон.

Кинни с упреком посмотрел на него. Он ответил:

– Вы должны знать. Сила тяжести Меркурия составляет лишь две пятых от земной; человек, весящий сто пятьдесят на родине, будет весить там всего шестьдесят фунтов. И нельзя ожидать, что легкие, как воздух, предметы останутся навечно на планете, притяжение которой не превышает этой силы, в то время как Солнце находится всего в тридцати шести миллионах миль от нее.

– Примерно на треть меньше, чем от Земли до Солнца, – прокомментировал инженер. – Джордж, там, наверное, жарко!

– На освещенной солнцем стороне – да, – ответил Кинни. – На темной стороне холодно, как в космосе – четыреста шестьдесят градусов по Фаренгейту.

Несколько минут они молча размышляли об этом. Инженер подошел к другому окну и посмотрел на Венеру, которая в то время находилась на расстоянии около шестидесяти миллионов миль от Солнца. По возвращении они собирались посетить "сестру-близнеца Земли". Через некоторое время он вернулся к команде, готовый задать еще один вопрос:

– Если Меркурий когда-то был обитаем, то его день был не таким длинным, как сейчас, не так ли?

– Нет, – ответил ученый. – По всей вероятности, его день был такой же длины, как и наш. Меркурий, знаете ли, сравнительно старая планета, будучи меньшего размера, он остыл раньше Земли и больше подвергался воздействию солнечного притяжения. Но с тех пор, как у него был такой же день, как у нас, прошло очень много времени, вероятно, еще до того, как Земля стала достаточно холодной для жизни.

– Но ведь Меркурий был создан из той же группы вещества... – предположил геолог.

– Тогда нет причин, почему жизнь не могла существовать там в прошлом! – воскликнул архитектор, его глаза сверкали инстинктом прирожденного специалиста по древностям.

Он с нетерпением поднял глаза, когда доктор кашлянул и сказал:

– Не забывайте, что даже если поверхность Меркурия частью испепелена, а частью заморожена, то между ними должна быть область, которая не относится ни к той, ни к другой.

Он взял со стола небольшой глобус и провел пальцем по нему от полюса до полюса.

– Итак. Должна быть узкая полоса территории, где солнце лишь частично находится над горизонтом, и где климат умеренный.

– Тогда... – почти вскричал архитектор от восторга, который был лишь немного сильнее, чем у остальных двоих, – тогда, если на Меркурии когда-то были люди...

Доктор глубокомысленно кивнул.

– Возможно, они есть и сейчас!

Глава II. Мертвый город

С высоты нескольких тысяч километров Меркурий на первый взгляд сильно напоминал Луну. Общий вид был такой же – унылый диск с небольшими выступами по окружности, крупными неравномерными пятнами темноватого оттенка, разбавленными множеством ярко освещенных участков, линий и пятен.

Однако при ближайшем рассмотрении обнаружилась заметная разница. Оказалось, что вместо кратеров, которыми всегда отличалась Луна, на Меркурии виднелись цепочки настоящих гор.

Доктор издал вздох досады, смешанный со щедрым волнением.

– Как жаль, что эти горы нельзя было различить на Земле, – посетовал он. – Мы бы не стали так поспешно объявлять Меркурий мертвым миром.

Остальные были слишком увлечены, чтобы комментировать происходящее. Летательный аппарат быстро опускался все ближе и ближе к планете; Смит уже приостановил подачу тока, с помощью которого он притягивал Куб к северному полушарию маленького мира, и теперь использовал отрицательное напряжение. Таким образом, он хотел затормозить их падение и не дать кораблю разбиться.

Вдруг геолог Ван Эммон, чьи глаза были прикованы к биноклю, издал возглас удивления.

– Посмотрите на эти разломы!

Он указал на область к югу от того места, куда они направлялись, которую можно назвать зоной горения планеты.

Сначала было трудно что-либо разглядеть, но затем, мало-помалу, перед их глазами развернулась гигантская, паукообразная система расщелин в чужой поверхности под ними. От точки, расположенной почти прямо напротив Солнца, эти трещины расходились в полудюжине разных направлений; огромные, неправильной формы расщелины пронизывали и горы, и равнины. Местами их ширина достигала сотен миль, а глубина не поддавалась никакому определению. Насколько могли судить четверо в Кубе, они были бездонными.

– Маловероятно, что там сейчас найдется хоть кто-то живой, – скептически заметил геолог. – Если солнце высушило его настолько, что образовались подобные разломы, то как там может существовать животная жизнь?

– Обратите внимание, – заметил доктор, – что трещины идут не от самого края диска.

Это было действительно так: все большие трещины заканчивались далеко за пределами "сумеречной полосы", в которой, по словам доктора, еще могла существовать жизнь.

Но когда летательный аппарат устремился вниз, их внимание было приковано к поверхности прямо под ними – точке, широта которой примерно соответствовала широте Нью-Йорка на Земле. Это была область невысоких гор, заметно отличающихся от обрывистых хребтов,

видневшихся на севере и востоке. На западе, то есть слева, сравнительно ровный участок, на котором местами выступали несколько пиков, наводил на мысль о древнем ложе океана.

К этому времени они были уже не дальше тысячи миль. Смит прибавил силу потока, скорость уменьшилась до безопасной, и они с величайшей осторожностью осматривали приближающуюся поверхность. Архитектору, жителю Нью-Йорка, эта местность сильно напомнила осенний пейзаж Аппалачей; Ван Эммон, родившийся и выросший на тихоокеанском побережье, заявил, что это место почти в точности повторяет местность к северу от Сан-Франциско.

– Если бы я не знал, где нахожусь, – заявил он, – я бы сейчас пытался найти Эврику.

Инженер сдержанно улыбнулся. Он провел несколько лет в Шотландии и был уверен, – с готовностью сообщил он остальным, – что эта новая местность гораздо больше похожа на Бен-Ломонд, чем на любое другое место на земле. Он был настолько убедителен, что заставил доктора, новозеландца, широко улыбнуться.

– Это точно такие же холмы, как у меня дома, – заявил он с таким убеждением, что дальнейшее обсуждение стало бесполезным.

– Там река! – неожиданно воскликнул архитектор, указывая на нее; затем, прежде чем остальные успели прокомментировать, добавил:

– То есть то, что когда-то было рекой.

Они увидели, что он прав: неровная, но четко очерченная полоса песчаного оттенка струилась по центру избранного ими места – длинной, Г-образной долины, окруженной невысокими холмами.

– Это наиболее подходящее место для поисков жизни вне сумеречной зоны, – заметил доктор. – Ни гор, ни твердых почв.

Затем он добавил:

– Спектроскоп ясно показал, что в том небольшом количестве воздуха, которое здесь имеется, есть водяной пар. Его должно быть ничтожно мало. Если бы воздух был таким же влажным, как земной, мы бы не смогли разглядеть поверхность с такой высоты.

Заманчивая на вид долина находилась теперь менее чем в ста милях внизу. Но привлекательной она была только в общих чертах, а по цвету – серовато-бурая, выжженная и неприветливая. Холмы были более желтыми, а их вершины – щелочно-белыми.

– Кто-нибудь из вас заметил хоть что-нибудь зеленое? – спросил инженер чуть позже. Они молчали; каждый из них давно заметил, что даже вблизи полюсов нет ни малейших признаков растительности.

– Нет шансов, если нет растительности, – пробормотал доктор, обращаясь скорее к самому себе.

Архитектор спросил, что он имеет в виду. Тот пояснил:

– Насколько нам известно, вся животная жизнь зависит от растительности в плане получения кислорода. Не только от содержащегося в воздухе кислорода, но и от кислорода, содержащегося в растениях, которыми питаются животные. Если нет зелени...

Он сделал паузу, услышав негромкое восклицание Смита. Глаза инженера с удивлением и волнением смотрели на ту часть долины, которая лежала на стыке буквы "Г" под ними. Она имела в поперечнике около шести миль, и по всей ее сравнительно гладкой поверхности торчали темные выступы. При взгляде через бинокль они имели правильный, однообразный вид.

– Боже мой! – воскликнул доктор едва ли не с трепетом.

Он наклонился вперед и в десятый раз протер до блеска окуляр. Все четверо мужчин напрягли глаза, чтобы все рассмотреть.

Тишину нарушил архитектор. Остальные трое оставались в молчании, поскольку чувство восторга от увиденного не покидало их. Для эксперта в области археологии подобные чувства были не слишком важны.

– Ну что ж, – ликующе заявил он своим юношеским голосом, – либо я съем свою шляпу, либо это настоящий, подлинный город!

Так же стремительно, как опускается лифт, и так же безопасно, Куб устремился прямо вниз. С каждой секундой пейзаж сужался и уменьшался, а оставшиеся детали становились все крупнее, четче, резче. Постепенно удивительное нечто под ними превратилось в настоящий мегаполис.

Через пять минут они были уже менее чем в миле над городом. Смит прибавил силу потока, и спуск прекратился, а Куб неподвижно повис в пространстве.

Еще пять минут четверо мужчин в напряженном молчании наблюдали за происходящим. Каждый из них знал, что остальные ищут одно и то же – какой-нибудь признак жизни. Маленькое зеленое пятнышко или, может быть, что-то движущееся – одного дымка было бы достаточно для радостного крика.

Но никто не вскрикнул. Не из-за чего было кричать. Нигде во всей этой местности не было ни малейшего признака того, что кто-то, кроме них самих, все-таки жив.

Вместо этого прямо под ними раскинулся самый необычный город, который когда-либо видел человек. Он располагался в точке пересечения трех больших дорог, которые вели к этому месту из стольких проходов через окрестные холмы. И город, казалось, естественным образом был разделен на три сегмента, одинаковых по размеру и форме, каждый из которых имел свою систему улиц.

Ведь это, несомненно, были улицы. Ни в одном мегаполисе Земли кварталы не были проложены с такой безупречной точностью. Меркурианский город состоял из одних лишь идеальных равносторонних треугольников, а сами улицы имели абсолютно одинаковую ширину.

Однако здания не отличались таким единообразием. На окраинах этой блестящей загадочной территории кварталы, казалось, не содержали ничего, кроме странных куч грязной, выжженной солнцем грязи. На крайнем севере, однако, располагалось пять кварталов, сгруппированных вместе, здания которых, как и в центре города, были довольно высокими, квадратной формы и того же пыльно-кремово-белого оттенка.

В центре города находилось несколько строений, особенно выделявшихся своей высотой. Они возвышались настолько, что можно было легко разглядеть их верхние окна. Судя по всему, их высота составляла сотни этажей!

То тут, то там на улицах виднелись небольшие пятна, окрашенные в более темный цвет, чем весь этот ослепительный пейзаж. Но ни одно из них не двигалось.

– Будем спускаться дальше, – неуверенно произнес инженер.

Комментариев не последовало. Он постепенно уменьшил отталкивающее усилие, и небесный корабль возобновил спуск.

Они снижались до тех пор, пока не оказались на одном уровне с верхушкой одного из этих невероятных небоскребов. Крыша казалась совершенно плоской, если не считать большого круглого черного отверстия в ее центре. Никого не было видно.

Оказавшись напротив верхнего ряда окон, на расстоянии примерно двадцати футов, Смит остановил машину, и они заглянули внутрь. Стекол не было, окна выходили прямо в огромное помещение, но в непроглядной тьме не было видно ничего, кроме очертаний проемов в противоположных стенах.

Они спустились дальше, держась примерно посередине пространства между домами и улицей. В каждом втором дворе они внимательно высматривали жителей, но, насколько они могли судить, их приближение оставалось совершенно незамеченным.

Оказавшись в пятидесяти ярдах от поверхности, все четверо мужчин стали искать внизу провода. Их не было; не было даже столбов. К их удивлению, не было и тротуара. Улица тянулась, не ограниченная бордюром, от стены до стены и от угла до угла.

Когда Куб медленно опустился на землю, искатели приключений оставили в покое фонари и воспользовались иллюминаторами. На мгновение обзор заслонил вихрь пыли, поднятый струей потока, затем это облако исчезло, опустившись на землю с поразительной внезапностью, как будто подхваченное невидимой рукой.

Прямо перед ними, на расстоянии около сотни ярдов, лежала желтовато-коричневая конструкция необычной восьмиугольной формы. В одном из ее концов было небольшое овальное отверстие, но люди с Земли тщетно пытались разглядеть в нем какое-либо существо.

Доктор молча принялся за работу со своим прибором. Из герметичного двухстворчатого отсека он получил образец наружного атмосферного вещества и с помощью заранее приготовленных химических реактивов быстро выяснил истину.

Никакого воздуха не было. Не было не только кислорода – элемента, от которого зависит вся жизнь, но и азота, углекислого газа, ни малейших следов водяного пара или других менее распространенных элементов, которые в небольших количествах содержатся в нашей атмосфере. Очевидно, как сказал доктор, что тот воздух, который наблюдали астрономы, должен существовать только на окружности планеты, а не в этом залитом солнцем районе северо-центральной части.

На внешних стенках Куба, размещенных так, чтобы их было видно через окна, находились различные приборы. Барометр не показывал давления. Специально разработанный термометр, в котором вместо ртути использовался газ, показывал температуру в шестьсот градусов по Фаренгейту.

Ни воздуха, ни воды, ни зноя; как заметил геолог, разве там может существовать жизнь? Но архитектор предположил, что, возможно, существует какая-то форма жизни, о которой люди ничего не знают, и которая может существовать в таких условиях.

Они достали три костюма. Они были очень похожи на те, которые носят водолазы, за исключением того, что внешний слой был сделан из непроводящей алюминиевой ткани, гибкой, герметичной и прочной. Между ним и внутренней подкладкой находился слой ячеек, в которые теперь закачивалось несколько пинт жидкого кислорода. Ужасающий холод этого химического вещества делал тяжелую фланель внутренней подкладки весьма приятной, а сам кислород, быстро испаряясь, обогащал воздух внутри большого шлема со стеклянным забралом.

Надежно застегнув неуклюжие скафандры, Джексон, Ван Эммон и Смит заняли свои места в тамбуре, а доктор, который вызвался остаться, наблюдал за тем, как они открывают внешнюю дверь. С шипением из тамбура вырвался весь воздух, и доктор искренне поблагодарил звезды за то, что внутренняя дверь была сделана очень прочно.

Мужчины вышли на площадку. Сначала они двигались с большой осторожностью, не будучи уверенными в том, что их подошвы достаточно утяжелены, чтобы нейтрализовать ослабленное тяготение крошечной планеты. Но последние три дня они жили в очень своеобразных, с точки зрения гравитации, условиях, и быстро приспособились. Немного переместившись, три искусственных существа еще раз внимательно осмотрели свои телефонные кабели, затем, держась на расстоянии не более десяти футов друг от друга, чтобы не допустить потери связи, с деланным спокойствием направились к ближайшему дверному проему.

Минуту-другую они стояли у странной кособокой арки, их сверкающие костюмы причудливо выделялись в слепящем солнечном свете. Затем они смело шагнули в проем, в мгновение ока исчезли из поля зрения доктора, и чернильная темнота проема вновь устала на него с этой ослепительной стены.

Глава III. Дом пыли

Геолог, силач, а по профессии – исследователь неизвестного, Ван Эммон, взял инициативу на себя. Он направился прямо в огромное помещение, которое без всякого коридорчика заполнило весь треугольный блок.

Прежде чем глаза привыкли к тени – "Довольно холодно", – пробормотал архитектор в телефонный передатчик; он был закреплен на внутренней стороне шлема, прямо перед его ртом, а приемник находился рядом с ухом. Все трое остановились, чтобы настроить друг другу электронагревательные приборы. Для этого они использовали не пальцы, а хитроумные немагнитные плоскогубцы, прикрепленные к концам утепленных рукавиц без пальцев.

Не успели они закончить работу, как на архитектора, ломавшего голову над тем, с какой необыкновенной внезапностью осело это облако пыли, снизошло вдохновение. В руках у него были блокнот и фотоаппарат. Плоскогубцами он вырвал лист из первого и, держа в одной руке блокнот, а в другой – лист, позволил им выпасть в одно и то же мгновение.

Они упали на землю одновременно.

– Видите? – повторил архитектор. Архитектор повторил эксперимент. – У нас дома, где есть атмосфера, бумага полетела бы по воздуху; ей потребовалось бы в три раза больше времени, чем книжке.

Смит кивнул, но думал он о другом. Он произнес глубокомысленно:

– Помните, что я вам говорил: именно воздух изолирует землю от эфира. Если здесь нет воздуха, – он посмотрел на безжалостный солнечный свет, – то я надеюсь, что в нашей изоляции нет изъянов. Мы сейчас идем в электрической ванной.

Они огляделись. Предметы теперь отчетливо выделялись. Было видно, что на полу стоят машины, расположенные в определенном порядке. Здесь, как и снаружи, все было покрыто мелкой пылью кремового цвета. Она заполняла все уголки и щели, колыхалась под ногами при каждом шаге.

Геолог повел их по широкому проходу, по обе стороны которого возвышались огромные механизмы. Смит хотел было остановиться, чтобы осмотреть их по очереди, но остальные отклонили пыл инженера и зашагали дальше, к концу треугольника. Больше всего на свете они ждали, что вот-вот покажется исчезнувший народ.

Вдруг Ван Эммон остановился.

– Может быть, они все спят?

Он добавил, что, несмотря на то, что солнце светит круглый год, люди должны иметь время для отдыха.

Но Смит взбил ногой пыль и покачал головой.

– Я не вижу никаких следов. Эта пыль лежит здесь уже несколько недель, а может быть, и месяцев. Если люди уехали, то они, должно быть, отправились в отпуск.

В конце прохода они попали в небольшое, огороженное перилами помещение, сильно напоминающее по своей структуре какой-нибудь офис на Земле. Посреди него стоял низкий стол с плоской столешницей, всем своим видом напоминающий стол преуспевающего агента по недвижимости, разве что на полфута ниже. Стула не было. За неимением видимой калитки в перилах исследователи переступили через них, стараясь не задеть.

Сверху на столе не было ничего, кроме привычного слоя пыли. Внизу было оставлено очень широкое пространство для ног того, кто его использовал, а по бокам стояли две тумбы, в которых располагалось множество очень маленьких ящичков. Смит нагнулся и осмотрел их: судя по всему, они не имели замков, и он, не колеблясь, протянул руку, взялся за ручку одного из них и потянул.

Бесшумно, в одно мгновение весь стол рассыпался в порошок. От испуга Смит попятился назад, ударившись о перила. В следующее мгновение письменный стол лежал на полу, его осколки были едва различимы на фоне того, что уже покрывало поверхность. Возникло лишь небольшое облачко пыли, которое через полсекунды улеглось.

Все трое многозначительно посмотрели друг на друга. Очевидно, произошедшее доказывало, что с того момента, как пользователь этого стола работал в этом корпусе, прошло очень много времени. Похоже, что предположение Смита о "неделях, возможно, месяцах" придется изменить на годы, возможно, столетия.

– Как вы себя чувствуете? – спросил геолог.

Джексон и Смит утвердительно закивали, и снова шагнули наружу, на этот раз по проходу вдоль внешней стены. Сквозь овальные проемы хорошо просматривалась их небесная машина.

Здесь можно было более внимательно рассмотреть механизмы. По словам Смита, они напоминали автоматические испытательные весы, такие, какие используются для взвешивания сложных металлических изделий после отделки и сборки. Кроме того, они были соединены между собой бесконечными ремнями, что, по мнению Смита, свидетельствовало об автоматическом производстве. Судя по всему, покрытое пылью оборудование стояло так же, как и было оставлено после прекращения работы, произошедшего неопределенно давно.

Смит не проявлял никакого желания прикоснуться к предметам. Видя это, геолог нарочито медленно протянул руку и соскреб пыль с ближайшей машины; к огромному облегчению всех троих, никакого ущерба нанесено не было. Пыль упала прямо на пол, обнажив блестящую полированную полосу зеленовато-белого металла.

Ван Эммон сделал еще несколько пробных взмахов кистью в других местах, и результат был тот же. Под всей этой пылью лежал чистый, не потускневший металл. Очевидно, это был какой-то непроводящий сплав; чем бы он ни был, он успешно противостоял воздействию стихии все то время, пока такие, предположительно, деревянные предметы, как стол и перила, подвергались неуклонному процессу разложения.

Воодушевившись, Смит забрался на станину одной из машин. Он внимательно осмотрел кулачки, муфты, зубчатые передачи и другие детали, достаточно важные с точки зрения его профессиональной подготовки. Он отметил их регулировку, внимательно осмотрел подающий механизм и вернулся с цилиндрическим предметом, который он снял с автоматического патрона.

– Вот что они делали, – заметил он, стараясь скрыть свое волнение.

Все остальные смахнули пыль с этого предмета – огромного куска металла, который на земле был бы слишком тяжел для их сил. Мгновенно они распознали его.

Это был пушечный снаряд.

И снова Ван Эммон вел их за собой. Они бросили успокоительный взгляд в окно на знакомый Куб, затем прошли по проходу к дальнему углу. Подойдя к нему, они увидели, что в нем находится небольшое ограждение из тяжелых металлических завитков, внутри которого стоит треугольный лифт.

Мужчины как можно внимательнее осмотрели его, обратив особое внимание на очень низкий табурет, стоявший на его платформе. Похоже, что во всей конструкции использовался один и тот же не поддающийся коррозии металл.

После тщательного изучения двух рычагов, которые, как выяснилось, управляли этой штуковиной, Смит объявил: "Я собираюсь испытать эту штуковину", прекрасно понимая, что остальные должны будут пойти с ним, если они собираются сохранить телефонную связь в целостности и сохранности. Они возразили, что эта штука небезопасна; Смит ответил, что они не видели ни лестницы, ни чего-либо похожего на нее.

– Если этот лифт сделан из подобного сплава, – с восхищением сказал он, – значит, он безопасен.

Но Джексону удалось его отговорить.

Когда они вернулись к куче измельченного дерева, служившей когда-то письменным столом, Смит заметил под соседним окном длинный верстак. Там они обнаружили самые обыкновенные тиски, в которых был зажат кусок металла; если бы не пыль, он мог быть положен туда десять минут назад. На верстаке лежало несколько инструментов, некоторые из них были знакомы инженеру, а некоторые – весьма диковинные. В глаза бросился набор отверток разных размеров. Он взял их в руки и снова ощутил, как от его прикосновения дерево превращается в пыль. Зато лезвия остались целыми.

Продолжая поиски, инженер обнаружил квадратный металлический комод, каждый из ящичков которого он быстро открыл. Содержимое было покрыто пылью, но он смахнул ее и обнаружил множество очень изящных инструментов. Они больше напоминали инструменты стоматолога, чем механика, но явно предназначались для использования в механике.

В одном из ящичков хранилось то, что, по-видимому, было рулоном чертежей. Смигу не хотелось прикасаться к ним, и он с бесконечной осторожностью сдул пыль с помощью кислородной трубки. Через минуту-другую поверхность стала чистой, но ничего не прояснилось – это была чистая поверхность бумаги.

Ничего не поделаешь. Смит крепко сжал рулон плоскогубцами и в следующую секунду устался на пыль.

В нижнем ящичке лежало нечто, вызвавшее любопытство всех троих. Это были небольшие катушки диаметром около двух дюймов и толщиной в четверть дюйма, каждая из которых была заключена в плотно прилегающую коробку. Они чем-то напоминали измерительные ленты, за исключением того, что ленты были сделаны из удивительно тонкого материала. Ван Эммон предположил, что в одном рулоне было сто ярдов. Смит оценил его в триста. Похоже, что они были сделаны из металла, похожего на тот, из которого сделаны машины. Смит рассовал их по многочисленным карманам.

Строителю пришло в голову заглянуть под скамейку, а Смит достал фонарь. С его помощью они обнаружили очень маленький аппарат, очень похожий на игру "Биржевой тикер", только без стеклянного купола, а с одним концом на диковинном металлическом диске диаметром около фута. Судя по всему, он находился в ремонте, и угадать его назначение было невозможно. Гордость Смита тут же выиграла, он спрятал его под мышку и с нетерпением ждал возвращения к Кубу, где можно было бы более тщательно изучить свою находку с помощью кончиков пальцев.

Именно тогда, когда они уже собирались покинуть здание, им пришла в голову мысль осмотреть стены и потолок. Ничего примечательного там не было: поверхности казались совершенно чистыми и оголенными, если не считать неизбежной пыли. Даже в самых верхних углах, на высоте десяти футов над головой, в свете электрического фонаря Смита виднелась пыль.

Ван Эммон остановился и как зачарованный устался на это место. Остальные уже были готовы к дороге; они повернулись и с любопытством посмотрели на него. На какое-то мгновение показалось, что ему стало трудно дышать.

– Боже правый! – задыхаясь, почти шепотом произнес он.

Лицо его побелело; двое других бросились к нему, боясь, что он начинает задыхаться. Но он резко оттолкнул их.

– Мы дураки! Слепые, безмозглые идиоты – вот кто мы!

Он показал на потолок рукой, которая заметно дрожала, и продолжил голосом, который он старался сделать твердым, несмотря на благоговейный трепет, который его сотрясал.

– Посмотрите еще раз на эту пыль! Как она туда попала?

Он сделал паузу, пока остальные, до которых наконец-то дошла эта мысль, почувствовали странный холодок, пробежавший по затылкам.

– Пыль может оседать на стене только одним способом! Для этого должен быть воздух! Без воздуха она не может туда попасть!

– Эта пыль осела задолго до появления жизни на Земле! Она появилась там с тех пор, как воздух исчез с Меркурия!

Глава IV. Библиотека

– Я думал, вы никогда не вернетесь, – раздраженно заметил доктор, когда все трое вошли внутрь.

А ведь их не было всего полчаса.

В следующее мгновение он уже изучал их лица и сразу же потребовал рассказать о самом важном. Они рассказали ему, и не успели договорить, как он уже был на полпути к своему скафандру. Он был весь в нетерпении, но почему-то все трое были очень рады снова оказаться внутри Куба и решительно настояли на том, чтобы переместиться в другое место, прежде чем приступить к дальнейшим исследованиям.

Через минуту-другую Куб завис напротив верхнего этажа здания, в которое они попали, и, когда иллюминатор летательного аппарата отделял от покрытой пылью стены всего один фут, люди с Земли долго осматривали внутреннее пространство. Посветив фонарем по сторонам, они пришли к выводу, что это приемный цех, куда на лифте привозили необработанные железные заготовки, а оттуда они спускались на этаж ниже. В одном конце, точно на том же месте, где стоял уничтоженный Смитом стол, стоял такой же стол, а рядом с ним – низкий и очень широкий стул.

Насколько можно было судить, в этом сооружении не было ни дверей, ни оконных стекол, ни ставней.

– Для того, чтобы в них было достаточно света и воздуха, – предположил доктор. – Может быть, поэтому все здания треугольные – наибольшая площадь стен пропорциональна площади пола.

Поднявшись на несколько сотен футов выше, они стали искать приметные здания. Только в моменты задумчивости каждый из них осматривал местность в поисках признаков жизни; теперь они знали, что таковых быть не может.

– А вот там мы должны что-то узнать, – сказал через некоторое время доктор, указывая на особенно большое, приземистое, неправильной формы здание на краю "делового квартала".

Архитектор же высказался в пользу исключительно большого и высокого здания в обособленной зоне пригорода. Но поскольку так было ближе, сначала совершили маневр в направлении, выбранном доктором.

Машина приземлилась на большой площади напротив, как показалось, главного входа в здание. Из иллюминатора было видно, что приземистость здания объясняется только его площадью, ведь это было здание высотой в целых пять этажей.

Доктору не терпелось отправиться в путь. Смит с готовностью остался: он уже увлеченно рассматривал найденную им диковинную машину. Через две минуты Кинни, Ван Эммон и Джексон стояли перед порталами огромного здания.

Они остановились, и неудивительно. Теперь было видно, что весь фасад здания покрыт массивной резьбой; в основном это были рельефные статуи. Все они были в высшей степени фантастичны, но намеренно или нет, сказать было невозможно. Конечно, земной художник за такие произведения получил бы клеймо либо сумасшедшего, либо непостижимого гения.

Прямо над входом располагалась группа, которую можно было бы назвать "Триумф грубой силы". Огромный мощный мужчина, почти такой же широкий, как и высокий, стоял, ликуя, над своей жертвой – менее крепкой фигурой, распростертой у него под ногами. Оба были облачены в доспехи. Лицо победителя было искажено в диком оскале, поражающем своей чудо-

вищной величиной, так как голова его была посажена прямо на плечи, ибо шеи у него не было. Глаза были расположены так близко друг к другу, что на первый взгляд казались одним. Нос был плоским и похожим на африканский, а рот, лишенный изгибов, просто отвратителен своей огромной, толстой губой, лишенной пропорций. Подбородок был квадратным и агрессивным, лоб, как ни странно, чрезвычайно высоким и узким, а не низким и широким.

Его жертва лежала в позе, свидетельствующей о жесточайших истязаниях: голова была полностью откинута назад и заведена за плечи. На земле лежали два боевых топора, огромные, почти такие же тяжелые, как и те, кто их использовал.

Но взгляд исследователей все время возвращался к грозному лицу завоевателя. От бровей вниз он был просто огромным, жестоким гигантом, а выше глаз – интеллектуалом. Это сочетание было совершенно устрашающим: казалось, что этот зверь способен на все, на преодоление любых препятствий, психических или физических, внутренних или внешних, для того чтобы утвердить свою, на первый взгляд, огромную волю. Он мог с одинаковой легкостью и уверенностью контролировать себя или доминировать над другими.

– Не может быть, чтобы он был взят из жизни, – с усилием произнес доктор. Критиковать эту безжизненную фигуру было нелегко. – На такой планете, как эта, с таким слабым притяжением, нет необходимости в такой огромной силе. Типичный меркурианец должен быть высоким и хрупким, а не коротким и плотным.

Но геолог придерживается иного мнения.

– Мы должны помнить, что у Земли нет стандартного вида. Подумайте, какая разница между комаром и слоном, змеей и пауком! Можно подумать, что они развивались в совершенно разных планетарных условиях, а не на одной планете.

– Нет, я думаю, что это чудовище могло быть настоящим.

И геолог перешел к осмотру других статуй.

Все без исключения они напоминали центральную группу; все фигуры были без шей, и все они были гораздо более крепкого телосложения, чем все люди на Земле. Среди них было несколько женских фигур; они имели такое же телосложение и в каждом случае были расположены так, чтобы подчеркнуть славу мужчин. В одной группе женщина предлагала еду и питье отдыхающему работнику, в другой ее, сопротивляющуюся, уносил на руках довольно симпатичный воин.

Доктор Кинни прошел в здание. Как и в другом строении, здесь не было двери. Помещение казалось всего лишь одним этажом в высоту, хотя создавалось впечатление, что это собор. Весь потолок, неправильно изогнутый в виде остrokонечной арки, был украшен гротескными фигурами; стены также частично состояли из приземистых получеловеческих статуй, установленных на огромных треугольных столбах. В промежутках между этими причудливыми пилястрами когда-то были установлены какие-то украшения, поэтому здесь было сделано очень много фотографий.

Что касается пола, то он был разделен во всех направлениях невысокими перегородками. Высотой около пяти с половиной футов, эти стены разделяли огромное помещение, вероятно, на сотню треугольных отсеков, каждый из которых был размером с обычную жилую комнату. Широкие проемы около пяти футов длиной обеспечивали свободный доступ из одного отсека в другой. Люди с Земли, встав на цыпочки, могли видеть поверх и за пределы этой структуры.

– Интересно, а эти стены должны были перекрывать обзор? – размышлял доктор. – Неужели меркурианцы были такими коротышками?

Его вопрос остался без ответа.

Они зашли в ближайший отсек и уже собирались признать его пустым, как Джексон с восклицанием взволнованно смахнул пыль и показал, что предположительно сплошные стены на самом деле являются выдвижными шкафами. Неглубокие, из такого своеобразного металла,

этих ящичков было несколько сотен на отделение. Во всем здании их должно было быть миллионы.

Еще раз тщательно удалили пыль, обнаружив слой этих диковинных рулонов или катушек, точно таких же, как те, что были найдены в инструментальном ларе на снаряжном заводе. При внимательном осмотре металлической ленты невооруженным глазом ничего не было видно, хотя доктору показалось, что он различил какие-то странные знаки на самих коробочках.

Вскоре его предположение подтвердилось. Обнаружив в ящике за ящиком аналогичную картину – от одной до десятка миниатюрных лент, Ван Эммон решил аккуратно сдуть пыль с торцов ящичков, прежде чем открыть их. Это позволило обнаружить, что каждая из мелких вещиц была аккуратно промаркирована!

Мгновенно все трое заинтересовались этой неожиданной подсказкой. Маркировка была очень тусклой и деликатной, достаточно было малейшего прикосновения, чтобы ее уничтожить. Для неподготовленного глаза это было похоже на древнеегипетские иероглифы, а для археолога означало, что найдена совершенно новая система идеографических знаков.

Внезапно Джексон выпрямился и с новым интересом осмотрелся. Он подошел к одному из квадратных дверных проемов и очень осторожно снял пыль с небольшой таблички на перемычке. Осторожность была излишней: на прочном металле был выгравирован один-единственный иероглиф, явно на том же языке, что и другие идеограммы.

Архитектор торжествующе улыбнулся, глядя в пытливые глаза друзей.

– Мне не придется есть свою шляпу, – сказал он. – Это точно город, и это его библиотека!

Когда они вернулись к Кубу, Смит все еще был занят работой над маленькой машиной. Он сказал, что некоторая часть корпуса пропала, и он занят тем, что вытачивает из стали кусок, который должен занять это место. Как только она будет готова, решил он, они смогут увидеть, что представляет собой этот прибор.

Все трое взяли с собой большое количество катушек. Они были уверены, что микроскопическое исследование лент позволит обнаружить нечто, подтверждающее теорию Джексона о том, что это огромное сооружение действительно было хранилищем книг или того, что соответствовало книгам на Меркурии.

– Но главное, – с энтузиазмом говорил доктор, – это попасть в "сумеречную полосу". Я начинаю питать самые смелые надежды.

Джексон настаивал на том, чтобы они сначала посетили большой "особняк" на окраине этого места; по его словам, он почему-то был уверен, что это того стоит. Но Ван Эммон поддержал доктора, и архитектору пришлось довольствоваться согласием вернуться, если их поездка окажется бесполезной.

Через несколько минут Куб стал уверенно перемещаться к левому, или западному, краю освещенного солнцем лица планеты. Во время движения все, кроме Смита, внимательно следили за поверхностью планеты. Они разглядели город за городом, а также отдельные здания; на дорогах виднелось множество восьмиугольных сооружений, все они были лишены движения.

Через несколько сотен миль поверхность круто наклонилась к тому, что, очевидно, было дном океана. Однако никаких следов жилья здесь не было, видимо, вода исчезла после того, как ушли люди.

Древнее море закончилось в нескольких шагах от искомого района. Пройдя еще немного, они добрались до места, где солнце отбрасывало на поверхность не только тень, но и свет. Здесь они спустились вниз и остановились на освещенном солнцем холме, с которого открывался вид на небольшую, заполненную зданиями долину.

По показаниям прибора Кинни, объем воздуха составлял примерно одну сороковую часть того, что есть на Земле. Были обнаружены следы водяного пара, но все их поиски не выявили какой-либо человеческой жизнедеятельности. Более того, не было и следов низших

животных: не было даже рептилий, не говоря уже о птицах. И даже на самых древних скульптурах не было никаких представителей воздушной фауны, изображались только огромные допотопные чудовища.

Разумеется, они сделали огромное количество фотографий. Кроме того, они изучили несколько больших восьмиугольных машин на улицах города и обнаружили, что они похожи на большие танки, которые использовались на войне, только без характерных гусеничных траков; их восемь граней были так связаны между собой, что все это дело могло катиться, покачиваясь, по плитам, вразвалку. Внутри находились диковинные двигатели и прочные механизмы, предназначенные для метания пушечных снарядов, которые они уже видели; взрывчатка, по видимому, не использовалась, а центробежная сила создавалась вращающимися колесами. По видимому, эти машины, или колесницы, использовались повсеместно.

Исследователи вернулись в Куб, где обнаружили, что Смит, выглянув в иллюминатор, заметил неподалеку пруд. Они посетили его и обнаружили на берегу первую попавшуюся зелень – крошечную солончаковую траву без цветов, очень скудную. Она окаймляла склизкую голубоватую лужу с абсолютно неподвижной жидкостью. Никто бы не назвал это водой. Они взяли несколько проб и вернулись обратно.

Через несколько минут доктор вставил в микроскоп небольшое предметное стекло и с большим удовлетворением рассмотрел объект. Это была крошечная желатиноподобная глобула, известная ученым как амеба. Это простейшая из известных форм жизни – так называемая "одноклеточная". Она была первой, кто поселился на этой планете, и, видимо, последней.

Глава V. Закрытая дверь

По мере приближения к любимому "особняку" Джексона каждый из участников проекта обращал пристальное внимание на соседние кварталы. По большей части это были просто бесформенные развалины, груды того, что когда-то было, возможно, кирпичом или камнем. Один раз они позволили Кубу упереться в вершину одного из таких курганов, но огромный вес летательного аппарата просто погрузил его в эту массу. Под ним не оказалось ничего, кроме той же песчаной пыли.

Судя по всему, местность, к которой они приближались, была отведена под эксклюзивное жилье для элиты страны. Возможно, здесь находились дома королевских особ, если, конечно, они были. Во всяком случае, выбранное Джексонном примечательное строение, несомненно, являлось домом самого высокопоставленного члена этой общины.

Когда все трое, вновь облачившись в шлемы и костюмы, предстали перед низким широким портиком, защищавшим вход в это здание, первое, что бросилось им в глаза, – декоративный орнамент фронтона, проходящий по всей его лицевой стороне. На нем в том же ярком, реалистичном стиле, что и на других скульптурах, был изображен рукопашный бой между двумя группами этих полудикарей, полузверей. А на заднем плане был изображен светящийся шар, очевидно, солнце.

– Видите? – воскликнул доктор. – Я имею в виду размер этого солнца! Сравните его с тем, как выглядит сейчас наша старушка звезда!

Они бросили взгляд на огромный огненный шар над головой: в девять раз больше, чем оно всегда выглядело на Земле, оно резко контрастировало с довольно маленьким шаром, изображенным на резьбе.

– Понимаете? – продолжал доктор. – Когда была сделана эта скульптура, Меркурий находился чуть ближе к Солнцу, чем сейчас Земля!

На архитектора это произвело огромное впечатление. Он с любопытством спросил:

– Тогда, наверное, люди стали такими же высокоразвитыми, как мы?

Ван Эммон одобрительно кивнул, но доктор возразил.

– Нет, Джексон, я думаю, что нет. На Меркурии никогда не было столько воздуха, как на Земле, и, следовательно, кислорода было гораздо меньше. А борьба за существование, – продолжал он, следя за тем, чтобы геолог одобрил каждое его утверждение, – борьба за жизнь – это, в конечном счете, борьба за кислород.

– Поэтому я бы сказал, что жизнь здесь была довольно напряженной, пока она существовала. Возможно, они... – он запнулся, потом добавил. – Я не могу понять, как получилось, что их жизнь оборвалась так внезапно? И почему мы не видим никаких скелетов?

– Скелеты?

Архитектор вздрогнул. Но в следующую секунду его лицо озарилось мыслью.

– Помнится, я читал, что электричество со временем разлагает кости.

И тут он снова вздрогнул, когда его нога всколыхнула эту безжизненную, бесплотную пыль. Возможно ли такое?

Когда они вошли в большой дом, первое, на что они обратили внимание, – это пол, без единого следа, покрытый пылью и голый, если не считать чего-то, что, возможно, было коврами. Форма – неизменный равносторонний треугольник, и здесь, с каким-то великолепным пренебрежением к существующим традициям, строители полностью отказались от потолка, а вместо этого наклонили три стены вверх, пока они не сошлись в одной точке, на высоте ста футов. Результат получился очень эффектным.

В одном из углов пол был приподнят над остальной поверхностью на три фута, а прямо за ним находился широкий дверной проем, сделанный в стене. Все трое сразу же направились к нему.

Здесь им очень пригодился электрический фонарик. Он показал плохо освещенную лестницу, очень широкую, без перил и нелепо крутую. Высота ступеней превышала три фута каждая.

– Разница в гравитации, – ответил доктор на вопросительный взгляд Джексона. – Возможно, для старожилов это и не трудно.

Они с трудом, как могли, поднялись по лестнице и достигли вершины через пять минут подъема.

Возможно, это была реакция на такую нагрузку, но, во всяком случае, каждый из них почувствовал явную потерю уверенности в себе, когда, отдышавшись, они снова принялись за исследование. Никто из них не сказал об этом остальным, но каждый отметил странное ощущение предчувствия, гораздо более тревожное, чем при других исследованиях. Возможно, это было связано с тем, что, торопясь, они не успели поесть.

Этаж, на котором они находились, был достаточно хорошо освещен обычными овальными окнами. Пространство было открытым, за исключением того, что в нем имелись перегородки, подобные тем, что они обнаружили в библиотеке. Однако здесь в каждом отсеке было только одно открывающееся отделение, причем расположены они были неравномерно. Более того, как с нарастающим беспокойством отметили трое, чтобы попасть в самый дальний от лестницы угол, нужно было пройти через каждый из них. Почему это вызвало беспокойство, никто не мог сказать.

Когда они уже почти прошли лабиринт, Ван Эммон, в десятый раз встав на цыпочки, чтобы определить свое местоположение, заметил то, что прежде ускользало от их внимания.

– Раньше эти отсеки были закрыты, – сказал он, почему-то понизив голос.

Он указал на ниши в стенах, в которых, несомненно, когда-то находились концы тяжелых балок.

– Что это было за место? Ловушка?

Неосознанно они сбавили шаг, приближаясь к последнему отсеку. Как и ожидалось, это был еще один лестничный пролет. Прежде чем идти дальше, Ван Эммон посветил во все углы,

но, за исключением бесформенной кучи мусора в одном из углов, которую они не стали исследовать, здесь было так же пусто, как и на остальном полу.

Они снова поднялись, на этот раз на гораздо более короткое расстояние, но Джексону, небольшого роста, понадобилась небольшая помощь на крутой лестнице. Они не пожалели, что добрались до самого верхнего этажа особняка. Он был несколько лучше освещен, чем нижний, и они с облегчением обнаружили, что треугольные помещения не имеют значимых углублений в стенах. Их настроение заметно поднялось.

В самом дальнем от лестницы углу одна из стен поднималась прямо к потолку, полностью перекрывая довольно большой треугольник. Не обращая внимания на другие отсеки, трое направились к самому важному, по их мнению, месту. И их чувства оправдались с лихвой, когда они увидели, что обычный дверной проем в этой стене был защищен чем-то, что до сих пор полностью отсутствовало в других местах.

Он был закрыт тяжелой дверью.

Несколько минут доктор, геолог и архитектор стояли перед ней. Ни один из них не хотел признаться, что с таким же удовольствием оставил бы эту дверь открытой. Вернулось прежнее беспокойство. Тем более было необъяснимо, что при ярком солнечном свете в нескольких футах от двери каждому из них стало холодно.

– Интересно, заперта ли она? – заметил Ван Эммон.

Он надавил на покрытую пылью преграду, ожидая, что она превратится в пыль, но, очевидно, она была сделана из сплава, не поддающегося времени. Она стояла крепко. И, судя по всему, была абсолютно герметичной.

– Ну что ж! – неожиданно сказал доктор, отчего двое других нервно вздрогнули. – Дверь надо снести, вот и все!

Они огляделись вокруг – ни мебели, ни какого-либо незакрепленного предмета не было. Ван Эммон сразу же отступил от двери на шесть футов, и остальные последовали его примеру.

– Все вместе! – гаркнул геолог, и три бронированных алюминиевых монстра набросились на дверь. Она содрогнулась от удара, посыпалась пыль, и они увидели, что ослабили ее.

– Еще раз!

На этот раз по краю двери появилась широкая трещина, и третья попытка завершила дело. Бесшумно, так как не было воздуха для передачи звука, но с сильным толчком, который все трое почувствовали ногами, преграда упала на пол.

В тот же миг из темноты выплыла диковинная невидимая волна, похожая на крошечный порыв ветра, и пронеслась мимо троих людей с Земли. Каждый из них заметил ее, но ни один не обмолвился о ней в тот момент. Ван Эммон уже осматривал темноту с фонарем.

Судя по всему, это была лишь прихожая. В нескольких футах за ней была еще одна стена, а в ней – еще одна дверь, больше и тяжелее первой. Трое не стали останавливаться, а сразу же попробовали свои силы и на ней.

Полтора десятка попыток, не сумели даже пошатнуть массивную конструкцию.

– Бесполезно, – выдохнул геолог, жалея, что не может приложить ко лбу носовой платок. – Мы не сможем ослабить ее без инструментов.

Джексон был за то, чтобы попробовать еще раз, но доктор согласился с Ван Эммоном. Они решили, что, во всяком случае, уже достаточно долго находятся вдаль от Смита. С того места, где они находились, Куб был вне поля зрения.

Ван Эммон включил свет на стенах прихожей и обнаружил на полке в одном конце аккуратную стопку этих маленьких катушек, всего одиннадцать штук. Он рассовал их по карманам. Больше ничего не было.

Джексон и Кинни стали уходить. Они отступили в главную комнату настолько далеко, насколько позволяли телефонные провода. Геолог все еще держался в стороне.

– Пойдемте, – спокойно сказал доктор. – Становится холодно.

В следующую секунду они остановились, нервы были на пределе, услышав странное восклицание Ван Эммона. Обернувшись, они увидели, что он направляет свой фонарь прямо в пол. Даже в этом чужеродном скафандре его взгляд выражал ужас.

– Смотрите сюда, – сказал он негромким, напряженным голосом.

Они подошли к нему и инстинктивно оглянулись, прежде чем посмотреть на то, что было в пыли.

Это оказался отпечаток огромной человеческой ноги.

Первое, что услышали исследователи, сняв скафандры в космическом корабле, – ликующий голос Смита. Он был слишком оживлен, чтобы заметить что-то необычное в их действиях; он почти пританцовывал перед своим стендом, где стояла неизвестная машина, теперь уже реконструированная, подсоединенная к небольшому электродвигателю.

– Работает! – кричал он. – Вы вовремя пришли!

Он стал возиться с выключателем.

– Ну и что? – заметил доктор тем спокойным тоном, которого он придерживался в тех случаях, когда Смита нужно было успокоить. – Что он будет делать, если запустится?

Инженер смотрел словно в пустоту.

– Что... – опомнившись, он взял наугад одну из катушек. – Здесь есть зажим, как раз подходящий по размеру, чтобы закрепить одну из них, – объяснил он, устанавливая ленту на место и продевая ее свободный конец в петлю на катушке, которая выглядела так, словно была специально для этого сделана. Потом он осторожно поставил между собой и аппаратом небольшую приставную доску и, взяв в руки длинную рукоять, пустил ток.

На мгновение ничего не произошло, кроме гудения мотора. Затем из механизма послышался странный шелест листьев, а следом, без всякого предупреждения, из большого металлического диска раздался высокий писклявый голос, гнусавый и пронзительный, но явно человеческий.

Слова были неразборчивы. Язык был совершенно не похож на тот, который когда-либо слышали на Земле. И тем не менее, осознанно, хотя и с некоторым скрежетом, голос продолжал, по всей видимости, декламацию. Были модуляции, паузы, предложения, но, похоже, все абзацы были короткими и по делу.

По мере того как все это продолжалось, четверо мужчин подходили ближе и наблюдали за работой машины. Лента разматывалась медленно; было ясно, что если одна тематика занимает всю катушку, то она должна быть длиной с обычную главу. И по мере того, как голос продолжал, в словах, совершенно непонятных, проступали некие драматические нотки, определяющие их смысл. Это был настоящий восторг.

Через некоторое время они приостановили это занятие.

– Нет смысла слушать это сейчас, – сказал доктор. – Мы должны еще многое узнать об этих людях, прежде чем догадаемся, о чем идет речь.

И все же, хотя все были очень голодны, по предложению Джексона они опробовали одну из записей, принесенных из этой непонятной прихожей. Смита очень заинтересовала эта нераскрытая дверь, а Ван Эммон был в самом эпицентре, когда Джексон завел мотор.

Слова геолога застряли у него в горле. Диск действительно дрожал от вибрации потрясающего голоса. Невероятно громкий и мощный, его гулкий, резонирующий бас бил по ушам, как раскаты грома. Он был непреодолим в своей силе, убедителен в своей уверенности, властен и силен до предела. Невольно люди с Земли отступили назад.

Он продолжал реветь и грохотать, говоря на том же языке, что и другие записи, но если первый оратор просто использовал фразы, то последний разрушал их. Чувствовалось, что он выжал из языка все силы, оставив его слабым и дряблым, непригодным для дальнейшего использования. Он выбрасывал свои предложения так, словно разделался с ними; он говорил

не дерзко, не вызывающе, и, в меньшей степени, неуверенно, он говорил с убежденностью и силой, которые проистекали из знания, что он может скорее заставить, чем побудить слушателей поверить.

Нужно было набраться наглости, чтобы остановить его; и сделал это Ван Эммон. Почему-то все почувствовали огромное облегчение, когда затих этот гигантский голос, и тут же принялись обсуждать проблему со всей серьезностью. Джексон предположил, что первая запись была старой и изношенной, а последняя – свежей и новой, но, рассмотрев обе кассеты под микроскопом и убедившись в одинаковой четкости и резкости отпечатков, они согласились, что необыкновенный голос, который они услышали, практически соответствует настоящему.

Попробовав остальные записи из этой партии, они пришли к выводу, что все они сделаны одним и тем же диктором. Среди лент, принесенных из библиотеки, не было ни одной его записи, хотя среди них было огромное количество разных голосов; не было и другого диктора, обладающего хотя бы пятой долей той громкости, того резонанса, той абсолютной силы убеждения, которыми обладал этот неизвестный колосс.

Конечно, здесь не место описывать трудоемкий процесс интерпретации этих документов – записей того прошлого, которое кануло в Лету еще до появления человечества на Земле. В ходе работы было изучено бесчисленное количество фотографий, на которых было запечатлено все – от надписей до узлов машин и других деталей, дававших ключ за ключом к разгадке этого сверхдревнего языка. Расшифровать его удалось лишь спустя несколько лет после того, как исследователи представили свои находки крупнейшим лексикографам, специалистам по древности и палеонтологии. Даже сегодня некоторые моменты вызывают споры.

Но именно в этом месте, безусловно, следует вставить историю, рассказанную этим бесподобным голосом. И хотя она может показаться невероятной, если судить об этом по меркам народов этой земли, она вполне подтверждается фактами, обнаруженными экспедицией. Сомневаться в подлинности было бы просто смешно, а если бы, понимая язык, услышать оригинал в том виде, в каком он дошел до нас, слово в слово из железных уст Строкора Великослышащего, то можно было бы поверить; никто не смог бы усомниться, да и не захотел бы.

И поэтому изложение его на бумаге не соответствует действительности. Нужно представить себе, что эту историю рассказывает сам Стентор; нужно представить, что каждое слово падает, как удар запряженного в сани мамонта. Рассказ не велся – он выкрикивался, и вот как он звучал:

Часть

II

. История

Глава

I

. Человек

Я – Строкор, сын Строка, оружейника. Я – Строкор, создатель орудий войны; Строкор, самый могучий человек в мире; Строкор, чья мудрость превзошла полчища Клоу; Строкор, который никогда не боялся и никогда не терпел поражения. Пусть тот, кто осмелится, оспорит это. Я – Строкор!

В юности я был, как и сейчас, предметом удивления всех, кто видел меня. Я был всегда силен и смел, и никто, кроме гораздо более взрослых и крупных парней, не мог превзойти меня. Я не уступал ни в чем, будь то игра или битва; для меня было и навсегда останется главным наслаждением превосходить всех других.

От матери я получил свой огромный рост и здоровое сердце. По правде говоря, я очень похож на нее, если подумать. Она тоже была неукротима в бою и славилась своей любовью к схваткам. Несомненно, именно ее статная фигура привлекла внимание моего отца.

Да, моя мать была очень привлекательной женщиной, но умом она не блистала. "Мне не нужна хитрость", – говорила она, и тот, кому не повезло в бою попасть в ее руки, мог поручиться в этом – пока он был жив, а это длилось недолго. Она была великой женщиной, вспыльчивой и способной уделать не одну пару мужчин. Часто, будучи мальчишкой, я носил на себе следы ее наказаний на протяжении не одного года.

Поэтому, похоже, своим умом я обязан отцу. Он был удивительно умным человеком, ловким и на руку, и на разум. Кроме того, он не был слабаком; пожалуй, я должен приписать ему часть своей ловкости, так как он славился как гимнаст, хотя и не отличался силой. Именно он научил меня обездвиживать противника одним лишь нажатием на шею в определенном месте.

Но больше всего боялись Строка, оружейника, за его ум и умение использовать свой мозг на погибель другим. И он научил меня всему, что знал сам; научил всему, чему обучился за всю жизнь сражений за императора, налаживания сложных машин в оружейной мастерской, взаимодействия с химиками, создававшими секретные сплавы, и вождями, руководившими армией.

Кое-чему из этого он учил меня, когда я еще не стал взрослым. Зачем ему это было нужно, я не знаю, кроме того, что он, по-видимому, дорожил моей привязанностью и не одобрял требований моей матери, чтобы я прислушивался к ее, а не к его призывам. Во всяком случае, я часто находил в его мастерской убежище от ее гнева; и я рано стал ценить его учение.

Когда я стал мужчиной, он резко прекратил эту практику. Думаю, он увидел, что я стал так же ловко, как и он, владеть ремеслом, и опасался, как бы я не узнал больше, чем он. Так оно и было; в тот день, когда я это понял, я долго и громко смеялся. И с тех пор он учил меня не потому, что сам так решил, а потому, что я на его глазах сгибал резец в голых руках и указывал ему его место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.